
ВВОДНЫЕ ЗАНЯТИЯ

ЭТИКА В ФИЛОСОФИИ

ВНИМАНИЮ ЛЕКТОРА

Содержащийся здесь материал разделен на два вида. Первый включает в себя теоретическую основу, позволяющую лектору приобрести необходимые знания для раскрытия темы. Ко второму виду относится материал, который можно представить непосредственно слушателям и который содержит рекомендации для чтения лекций.

В этих двух лекциях рассматривается проблема морали: что значит думать и действовать морально, а также размышления о морали. Мы рассмотрим мораль, главным образом, с двух разных точек зрения: философской и психологической. В нашей первой лекции мы раскроем три современных философских подхода к морали. Затем увидим, какой вклад может внести иудаизм в философскую дискуссию по этическим вопросам. Тема второй лекции - мораль на уровне психологии. Здесь мы тоже исследуем ту роль, которую может играть иудаизм при рассмотрении проблематики морали в этой плоскости.

СПОСОБ ИЗЛОЖЕНИЯ

Занятия лучше всего начать с нескольких вступительных слов и потом сразу перейти к обсуждению самой проблемы морали. Цель дискуссии должна состоять не в "решении" обсуждаемого вопроса, а в том, чтобы побудить учащихся, имеющих пока еще наивное представление о проблематике теории нравственности, высказать свои представления о том, "как правильно поступать". Кроме того, работая с учащимися, лектор должен разделить вопросы, поднимаемые ими при обсуждении данной темы: в одну категорию выделить конкретные моральные вопросы, а во вторую - нравственные концепции, привлеченные каждым человеком при принятии решения.

МОРАЛЬНАЯ ДИЛЕММА

Человеку, попавшему в дорожную аварию, перелили кровь, которая, как потом выяснилось, была заражена СПИДом. Врачи считают, что он проживет не больше полугода, если будет пользоваться традиционными методами лечения. Между тем, некоторые врачи, заботливо лечившие его от полученных при аварии травм, теперь глубоко обеспокоены своим собственным здоровьем: они боятся заразиться СПИДом, если не прервут контакты с больным, и рассматривают возможность отказаться от активного участия в его дальнейшем лечении.

Здесь возникают сразу несколько вопросов:

- В чем состоит ответственность людей, участвующих в спасении человеческой жизни?
- Есть ли разница в ответственности специалистов (врача, пожарного и т.д.) и неспециалистов?
- Меняется ли ответственность спасателя, если, по общепринятому мнению, его вмешательство все равно не поможет устранить источник опасности?
- Зависит ли мера ответственности спасателя от меры прямой ответственности жертвы за сложившуюся ситуацию?
- Уделив некоторое время обсуждению этих вопросов, лектор переходит затем к непосредственному изложению темы.

ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД

Давайте вначале посмотрим, что представляет собой мораль, нравственность. Другими словами, нам предстоит определить ту область мышления и/или действий, которую можно отнести к сфере, называемой моралью. В самых общих чертах можно сказать, что мораль занимается

вопросами человеческого поведения, которые некоторым образом связаны с областью справедливости, несправедливости и долга. Иначе говоря, далеко не все наши действия требуют учета при рассмотрении основ нравственности. Однако, в зависимости от конкретных обстоятельств, можно считать, что почти любое действие содержит в себе тот или иной этический аспект. Например, когда человек, собираясь утром на работу, подбирает цвет галстука, его выбор не имеет отношения к морали. Но если этот человек - ирландец, живущий в Ирландии в двадцатых годах, когда на повестке дня остро стоял вопрос о независимости Ирландии от Великобритании, его решение повязать зеленый галстук можно смело отнести к сфере нравственности.

На данном этапе мы еще не решили вопрос о том, что представляет собой нравственное действие. Иначе говоря, насколько точно можно судить, является ли ношение вышеупомянутого зеленого галстука (как демонстрация поддержки ирландской независимости) морально оправданным или неоправданным действием. Но можем ли мы надеяться, что сумеем найти ответ на такой вопрос? И уместно ли вообще задавать его? Помимо небольшой группы моральных релятивистов мыслители всех эпох по-разному отвечали на эти вопросы. И, как мы позже узнаем, новый стиль нравственного мышления, возникший в современный период, дает совершенно иные ответы не только на вопросы о "зеленом галстуке", но и при обсуждении ситуации с пациентом, чья жизнь зависит от готовности других людей рисковать своей собственной жизнью. Поэтому начнем рассмотрение основ морали с исследования главных течений философской мысли в этой области, проявившихся в современный период.

Одно из главных течений современного представления о морали восходит к философской традиции прусского мыслителя Иммануила Канта, жившего в XVIII веке. Кант считал, что суть правильного, нравственного поведения заложена в идее долга и следования универсальным принципам. Он видел в естественных науках модель мышления об этических категориях. Подобно тому, как ученый пытается выделить законы, управляющие естественными явлениями, так и философ-моралист ищет законы, по которым следует регулировать поведение людей. И подобно ученому Кант верил, что эти законы должны быть универсально применимыми и объективно верными. Верными в той же степени, что и математические законы. Такие моральные законы нельзя было придумать, их надо было открыть. И тогда закон морали, подобно любому другому научному, допустим, физическому закону, должен срабатывать при любых обстоятельствах и независимо от личных склонностей "актеров" на этической сцене.

Свой моральный закон Кант выразил в виде "категорического императива". Императив - в смысле "должен"; категорический - в смысле "не привязан ни к какому специфическому набору обстоятельств". Действуя в соответствии с принципом "категорического императива", человек следует универсальному нравственному закону, нестесненному никакими личными побуждениями и целями. (Свою концепцию Кант противопоставил общепринятому пониманию морали, выраженному в этике Аристотеля, который считал, что моральная жизнь целиком соответствует стремлению к личному счастью. В представлении Канта, моральная жизнь по определению совершенно отделена от личного начала.) Кант выразил свой категорический императив морального поведения в одной фразе:

<p>Я должен всегда поступать лишь таким образом, чтобы мне хотелось превратить мой принцип [обуславливающий такое поведение] в универсальный закон.</p>

Проще говоря, прежде чем предпринять какие-то действия в морально насыщенной ситуации, я должен проверить доводы, побуждающие меня к определенному образу действий и только если я хочу, чтобы каждый действовал таким же образом при тех же обстоятельствах, я волен так поступать. Если я буду вести себя в соответствии с этим законом нравственности, я могу быть уверен, что моими поступками движет не личный интерес, а долг по отношению к этому универсальному категорическому императиву. Лишь тогда я буду действовать этически правильно.

По мнению Канта, основу нравственного поведения составляет долг по отношению к универсальным принципам действий, свободных от любой личной мотивации. Моральным считается лишь такой поступок, который совершается вследствие уменьшения мотиваций по отношению к универсальному принципу поведения для данной ситуации. Это значит, конечно, что два идентичных действия могут иметь очень разный моральный вес. Отсюда следует, что способность совершать такое уменьшение мотиваций и понимать, как применять категорический императив к своим действиям, является предпосылкой для нравственного поведения.

Это достигается, однако, благодаря тому факту, что категорический императив выражает действие, управляемое разумом. Особенность человека в том и состоит, что он подчиняется разуму. Поэтому разумно обосновать свои действия в соответствии с категорическим императивом не представляет проблемы. Кант утверждает даже, что если бы в человеке не действовали определенные нелогичные импульсы, если бы мы были совершенно разумными, трезво мыслящими существами, то категорический императив целиком владел бы нашими действиями, подобно тому, как законы физики руководят физическим миром. Следовательно, от нас требуется лишь одно: преодолеть иррациональные аспекты своего характера, чтобы действовать нравственно. Если мы будем вести себя рационально, то избавимся от всех страстей, которые влекут нас в разные стороны. Человек, действующий рационально, это Человек с большой буквы. Именно таким он и должен быть.

Короче говоря, в концепции Канта нравственное поведение основано на допущении, что Человеку изначально присущ рационализм. Пользуясь своей способностью рационально мыслить, Человек способен открывать разумные моральные законы. Эти законы безусловно универсальные и категорические. Когда Человек живет и действует по этим законам, он раскрывает тем самым свой потенциал как разумное существо и, следовательно, ведет себя морально.

Но как поступить в вышеописанном случае, пользуясь моделью Канта? Врач, разумеется, не хочет рисковать своей жизнью. Он совершенно не виноват в том, что этот пациент болен. Но он не может руководствоваться своими желаниями. Ему надо спросить себя, что он **должен** делать. Вначале ему надо трезво оценить проблемы, возникшие в этом эпизоде, и представить каждое возможное действие в виде категорического императива. Первый категорический вопрос очевиден: врач должен спросить себя, должен ли он рисковать своей жизнью ради пациента, тем более, что тот все равно обречен: даже самое успешное и квалифицированное лечение в лучшем случае продлит его жизнь на полгода. Предположим, что в распоряжении врача имеются три главных образа действия:

1. бросить пациента;
2. продолжать лечить его как ни в чем не бывало;
3. продолжать лечение, но сократить контакты с пациентом до минимума, необходимого для поддержания его жизни, хотя это приведет к резкому ухудшению медицинского обслуживания.

Сформулировав эти три возможности, врач должен затем приложить к каждой из них категорический императив и определить в общих чертах, какой вариант отражает принцип поведения, достойный стать универсальным принципом. Другими словами, какое из трех перечисленных действий будет правильным не только в данном случае, но и во всех других возможных ситуациях? После "а" следует "б". Здесь же, если лечение больного опасно для врача, мы получаем "а", "б" или "в".

Такие рассуждения кажутся иногда очевидными и простыми. Например, если мы рассмотрим вопрос о том, можно ли разрешить человеку выбрасывать мусор в любом удобном ему месте, то вскоре убедимся, что если каждый будет так поступать, то результаты получатся самые неудовлетворительные. В этом простом случае мы можем представить себе последствия какого-то конкретного действия и оценить его по шкале "хорошо-плохо". Однако такая оценка носит сугубо индивидуальный характер. Мы решаем, что жить в загрязненной среде плохо, и поэтому есть смысл выделить средства для создания и материального обеспечения постоянной службы уборки мусора. Кто-то другой, однако, ставит личные удобства, низкий городской налог и личную ответственность выше экологических нужд. Для него "хорошо" иной уровень экологической чистоты. В результате, его оценка хорошего и плохого в результатах намеченных действий (даже если он согласится с тем, какими будут эти результаты) может отличаться от нашей. В действительности, пользуясь теорией Канта мы пытаемся применить некое "золотое правило": делай другому то, что хотелось бы тебе. Проблема, однако, в том, что тот другой не всегда хочет того, чего хотим мы.

Поэтому наш врач вынужден полагаться на свои собственные чувства, выбирать одну из нескольких противоборствующих мотиваций. Допустим, он считает, что если бы он сам болел СПИДом, то предпочел бы отказаться от лечения, чтобы не ставить под угрозу других людей. Отсюда следует вывод: если больной опасен для врача, врач не должен лечить его. Но можно ли

считать этот принцип универсальным? Отсюда мы видим, что при всей своей теоретической привлекательности методология Канта далеко не проста. В отличие от нее другая теория, с которой мы сейчас ознакомимся, представляет собой систему мышления, больше ориентированную на прагматизм.

Эта другая теория называется утилитаризмом. Ее основатели Джереми Бентам и Джон Стюарт Милль, жившие в начале XIX века, вернулись к более классическому отношению к морали. Подобно Аристотелю и в отличие от Канта они стремились соединить идею нравственности со стремлением человека к счастью. Но Аристотель говорил только о личном счастье, а сторонники утилитаризма пропагандировали, главным образом, счастье для всего общества в целом. (Здесь термин счастье означает не заданное количество улыбок на душу населения, а достижение и поддержание всеобщего благосостояния общества.) Под всеобщим благосостоянием и благополучием общества понимается сумма интересов составляющих его людей. Интерес человека - это, по выражению Бентама, "суммарное количество его удовольствий, или, что, по существу, то же самое, уменьшение суммарного объема его страданий".

Сторонники утилитаризма считают морально оправданным лишь такое действие, которое выработывает тот же объем чистого счастья, что и любая другая альтернатива, открытая для действующего лица в данный момент времени, где учитывается в равной мере счастье и несчастье каждого человека, на которого влияет альтернатива. Поэтому, взвешивая свои поступки, мы ориентируемся не на кантианский закон, а на их практические последствия. Наша цель - принести людям как можно меньше страданий и обеспечить максимальную пользу для всех членов общества.

Принципы утилитаризма лучше всего проиллюстрировать на действиях бригады скорой помощи, прибывшей на место аварии с многочисленными жертвами. Медиков не хватает, они не могут помочь всем сразу, поэтому устанавливается определенная очередность. Здесь чаще всего срабатывает принцип утилитаризма. Вначале помощь оказывают тем пострадавшим, чьи раны и повреждения доставляют им больше всего страданий (по шкале от полного здоровья до смерти) и чье состояние можно облегчить. Другим жертвам, получившим менее серьезные повреждения или, наоборот, безнадежным, которым первая помощь все равно не поможет, придется подождать. Медперсонал "скорой" сознательно вынуждает страдать часть жертв аварии, но делает это ради повышения эффективности своей помощи в интересах всей группы, для ее максимального суммарного благополучия.

Для этого требуется правильно оценить страдания каждой жертвы и возможности бригады уменьшить эти страдания. Если на такой шкале приоритетов потеря ноги соответствует, к примеру, восьми очкам, а пальца - трем очкам, порядок действий очевиден. Оказав помощь человеку, которому грозит потеря ноги, медики получают восемь очков добра, а если они вначале спасут палец другой жертвы, их награда составит три очка. Помочь сразу обоим невозможно. Поэтому, оказавшись перед выбором, кем из раненых заняться в первую очередь, они естественно попытаются сделать более "доброе" дело, помочь той жертве, которая принесет им больше нравственных очков.

Бентам, Милль и более поздние философы-утилитаристы использовали подобные формулы в своих проектах, нацеленных на изменение социальной ткани общества. О чем бы ни шла речь, - более справедливом распределении социальных благ путем совершенствования системы налогообложения, лучшем уходе за больными, равноправии для меньшинств, - сторонники этой теории не переставали утверждать, что общественные структуры будут считаться моральными лишь в том случае, если они обеспечат максимальное счастье для всего общества. Оказавшись перед нравственным выбором, общество и каждый человек в отдельности должны стремиться доставить максимальное благо и счастье коллективу в целом.

Вернемся к нашему примеру с "опасным пациентом". Мы видим, что сторонники утилитаризма проанализируют ситуацию совсем не так, как кантианцы. Опираясь на ситуацию с жертвами аварии, мы должны, в первую очередь, оценить согласно принципам утилитаризма степень блага и страданий, которые будут порождены нашими действиями. Как нам приложить здесь эти принципы? Если мы придем к выводу, что мучения пациента наверняка возрастут, если он не получит необходимого ухода, но если лечить его, то страдать будут другие, то, скорее всего, мы решим отказать ему в лечении. Но в действительности разве мы не пытаемся сравнить реальное страдание с гипотетической возможностью? Да и можно ли вообще измерить страдания

умирающего пациента? Как это сделать? Подсчитать количество болеутоляющих средств, которые он будет принимать каждый час? Но, возможно, забота об этом пациенте мешает врачу правильно лечить других больных, если он будет думать о грозящей ему опасности. Кроме того, учтем ли мы возможность потери врача, который необходим обществу в качестве специалиста, забываящегося о здоровье его членов, при том, что наш пациент уже не может принести пользу обществу и его потеря никак не отразится на всеобщем благосостоянии? Если на основе этих расчетов мы придем к выводу, что, руководствуясь высшим благом общества, врач не только не должен подвергать себе опасности, но и ввиду недостатка ресурсов безнадежно больной должен поскорее умереть, согласимся ли мы с таким подходом? Существует ли абсолютная ценность человеческой жизни?

Мы видим, что эту концепцию трудно принять, поскольку она не признает абсолютных и универсальных ценностей, а учитывает лишь влияния и последствия. Хотя в некоторых случаях, например, при аварии со множеством жертв, утилитаризм бывает полезен, однако при решении фундаментальных, "больших" проблем он оказывается несостоятельным. Это происходит потому, что для сторонников утилитаризма таких проблем просто не существует, а есть лишь счастье - в большем или меньшем количестве. В результате сила утилитаризма становится его же слабостью. Кроме того, даже если мы пытаемся "измерить" явления для последующей выработки моральной проблемы, выясняется, что решение этой задачи само по себе весьма затруднительно.

Наконец, представим третью и последнюю концепцию морали. Речь идет о так называемой "договорной" системе, чьим наиболее известным теоретиком и пропагандистом является современный философ Джон Ролс. Этическое учение Ролса берет за основу принципы поведения, называемые "принципами справедливости". Эти принципы отражают стремление к идеальным соглашениям, достигнутым всем обществом под влиянием решений, которые приняты в гипотетически идеальных условиях. Ролс отмечает совершенство принципов справедливости; он говорит, что мы все охотно примем их и будем строить по ним дальнейшую жизнь, если будем руководствоваться соображениями практической выгоды. Другими словами, выбирая эти принципы, мы должны игнорировать наши специфические обстоятельства. Он понимает, что многие привилегированные члены общества предпочтут сохранить те законы и принципы, которые нацелены на закрепление их привилегий, в то время как менее привилегированные слои будут стремиться к изменению в свою пользу. Но справедливость достигается не путем учета личных специфических интересов, а путем их ограничения. Например, если бы вопросы благосостояния и налоговой политики решались теми людьми, которые не знали в тот момент, какими они будут - богатыми или бедными, можно предположить, что они избрали бы такую систему, которая была справедлива ко всем членам общества, независимо от их доходов.

Чтобы придать законам общества моральный вес, надо согласовать их со всеми его членами. Благодаря использованию "завесы незнания" общество получает оптимальную возможность выработать такие принципы, которые будут приняты всеми людьми. При таком демократическом подходе к морали она перестает быть функцией универсальных истин или средством достижения счастья; общество само вырабатывает ее в идеальных условиях на основе всеобщего консенсуса. Благодаря беспристрастному учету несовпадающих интересов и потребностей различных слоев общества можно разработать честные и справедливые правила поведения, с которыми согласится любой здравомыслящий член данного общества. Поведение, основанное на таких правилах, становится моральным поведением; всякое другое поведение - аморально.

Эта концепция противоречит капиталистической расхлябанности в вопросах морали, традиционному взгляду, что надо предоставить полную свободу личным интересам, и тогда они сами нейтрализуют друг друга. Она отличается и от утилитаристского взгляда на общественное благо. Сторонники утилитаризма рассматривают общественное благо как суммарное счастье индивидумов. В отличие от них Ролс видит здесь не количественную сумму, а концепцию максимальной справедливости для всех. Но и те, и другие - сторонники утилитаризма и приверженцы Ролса - признают, что моральное поведение и мышление требуют сбалансированного учета интересов всех заинтересованных сторон. Ролс предлагает пренебречь этими интересами на время выработки порядка действий ("завеса незнания"). Другими словами, мы откладываем в сторону наши личные интересы, чтобы принять участие в подготовке нравственного кодекса. При этом мы понимаем, что в действительности идет поиск объективного равновесия между законными, но противоречащими друг другу требованиями и интересами.

Кантианцы тоже считают, что моральное поведение возможно лишь за рамками личных нужд, но стремятся совершенно игнорировать их. По Канту нравственное поведение достигается не сбалансированным учетом конфликтующих интересов, а их полным устранением. В каком-то смысле Кант понимает, что можно встать выше этих интересов и найти, как он говорит, такие принципы нравственного поведения, истинность которых не зависит от чьих бы то ни было интересов.

Как решает концепция Ролса нашу дилемму с врачом и пациентом? Поскольку Ролс считает мораль не индивидуальной, а общественной категорией, врач будет решать свою частную проблему не индивидуально, а "всем миром". Общество должно выработать нормы поведения для различных ситуаций, руководствуясь принципами справедливости. Ему придется проанализировать разнородные соображения, касающиеся как необходимости правильного медицинского обслуживания больных, так и безопасности тех, кто эти услуги предоставляет с тем, чтобы равномерно и справедливо распределить права и обязанности среди всех членов общества. Здесь действует тот же главный принцип: при решении этого вопроса никто не должен знать, в какой категории он может оказаться: среди нуждающихся в медицинской помощи или среди тех, кто ее предоставляет.

Возникает, однако, вопрос: могут ли люди действовать таким образом? Мы видим, что даже в развитых демократических странах большинство законодательных дискуссий сводится к борьбе между заинтересованными группами. Каждая сторона выпячивает свои требования, набирая очки, чтобы использовать их в дальнейшей борьбе. В результате соглашения достигаются, как правило, путем лоббирования и закулисных сделок: проталкивая свои интересы, секторальные группы предлагают поддержку другим группам в обмен на их помощь. Ролс и его сторонники могут использовать это явление как доказательство аморальности нынешней юридической системы. Но в какой-то мере система Ролса близка к истине.

Следуя рекомендациям Ролса можно действительно приблизиться к морально справедливому законодательству. Но для этого необходим такой уровень и такое качество действий, на которые способны лишь те, кто уже действует, если можно так выразиться, в моральном русле. Чтобы сдерживать свои личные интересы и принимать честные, беспристрастные решения, необходим большой запас доверия к другим членам общества. У нас не должно возникать подозрение, что наша готовность пренебречь своими правами будет использована другими в корыстных интересах. Каким образом, по мнению Ролса, общество выработает такое доверие? Восточная мудрость гласит: "Чтобы прокатиться на тигре, самое трудное – это слезть с его спины". Каким образом общество начнет избавляться от своей настороженности и вести себя достаточно нравственно, чтобы приступить к разработке морального законодательства? На подобные вопросы предстоит ответить Ролсу.